

I ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Никого не жаль
Игра в кубики
Синдром бесконечной радости
Мертвые хризантемы
Жертвы осени

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы укрощают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»

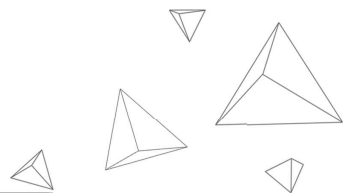
Тайны взрослых девочек
Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес
Пиранья
Вальс бывших любовников

Сериал «Клиника раненых душ»

Силиконовая надежда
Пластика души
Хирургия мести
Реанимация судьбы
Терапия памяти
Анатомия любви

Сериал «Переменная облачность. И о любви»

Ее внутреннее эхо
Ретроградный Меркурий

МАРИША
КРАМЕР

ЖЕРТВЫ
ОСЕНИ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Иллюстрация на обложке *Ольги Саохелал*

Крамер, Марина.

К77 Жертвы осени / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-204658-2

Провинциальный городок Вольск потрясла серия убийств. Маньяк нападал на вышедших на пробежку девушек, за что его даже прозвали Бегущий со смертью. Подозреваемый, студент Леонид Вознесенский, даже под тяжестью улик так и не признал своей вины.

Двадцать лет спустя журналистка Василиса Стожникова едет в тюрьму, чтобы разобраться в этом деле, и понимает, что оно связано с ее личной трагедией...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204658-2

Все совпадения случайны,
все названия вымышлены...

От автора

Мокрая осенняя листва пахла неприятно — плесенью и смертью. От этого запаха потом приходилось долго избавляться под горячим душем, но он все равно еще пару дней преследовал. Пистолет привычно лег в ладонь, курок взведен, патрон в стволе... Все как обычно, и вдруг — собачий лай, приближающийся очень быстро. Рука дрогнула, выстрел, очевидно, пришелся не туда, но уже нет времени исправлять, надо уносить ноги, пока неизвестная собака не добралась и не устремилась в погоню.

Бежать, бежать как можно быстрее — домой, в душ, под горячую воду. Потом сварить кофе, выпить и лечь под одеяло, накрыться с головой и затихнуть. В буквальном смысле затихнуть на пару недель. На ту пару недель, во время которых станет легче, перестанет болеть голова, прекратятся эти мучительные сны, толкающие на поиски очередной жертвы. Пара недель тишины и покоя...

А потом все начнется снова. Охотник и жертва. И кто выиграет в поединке — даже сомневаться не приходится...

Город Вольск, наши дни

Ночные кошмары перестали мучить ее около года назад — спасибо поистине изнурительному труду психотерапевта. Ева наконец-то смогла выспаться за все те годы, что ей приходилось то и дело вскакивать среди ночи и менять мокрую от пота рубашку, пить успокоительное и снотворное и потом долго лежать в темной спальне без сна, глядя в потолок, по которому разбежались флуоресцирующие звезды. Такой потолок был у нее в детской...

«Все, хватит! — одернула она себя, решительно дотягиваясь до браслета и выключая дребезжащий звук будильника. — Какая детская, мне уже скоро сорок! Хватит в этом копать».

Но не копать оказалось невозможно — прошлое то и дело наступало, наносило какой-то удар, от которого Ева не успевала увернуться, потому что не была к нему готова, не знала, в какой момент прилетит и откуда.

Сегодняшний день не стал исключением, хотя ничего, как говорится, не предвещало.

Сварив кофе, Ева присела к небольшому столику у окна в кухне, открыла ноутбук и развернула новостную страницу.

От первого же заголовка рука, державшая чашку, задрожала, и горячий кофе выплеснулся на колени. Ева даже не сразу заметила это, продолжала сжимать ручку пустой чашки и остекленевшим взглядом смотреть в монитор, где расплывалась черная фраза:

«Новый поворот в деле Бегущего со смертью».

Москва, наши дни

Тимофей Колесников, рано начавший сидеть видный мужчина лет пятидесяти, лежал в спальне своего загородного дома и лениво просматривал новости. Журналист Колесников любил быть в курсе всех последних событий, а особенно ревниво следил за журналистскими расследованиями — сам специализировался на подобном, а потому предпочитал знать конкурентов в лицо и по почерку.

«Бегущий со смертью может выйти на свободу после отбытия срока в восемнадцать лет из тех двадцати пяти, что он получил», — этот заголовок на интернет-портале большого, но провинциального города заставил Тимофея сесть и отложить планшет.

Прозвище «Бегущий со смертью» к серийному убийце Леониду Вознесенскому приклеилось ровно восемнадцать лет назад, как раз после серии статей, написанных Колесниковым по материалам громкого дела. И теперь, выходит, кто-то еще решил окучивать эту поляну...

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

Тимофей снова взял планшет и пробежал глазами статью до последней точки, до фамилии автора — В. Стожникова.

— Вера, Валя, Варя? — забормотал Колесников, выбираясь из постели. — Откуда такая информация у журналистки из провинциального интернет-издания? И главное: почему у нее есть, а у меня — нет?

Источник в Следственном комитете у Колесникова был надежный, он всегда снабжал Тимофея самыми свежими данными о громких расследованиях и уж о таком повороте в деле Бегущего должен был предупредить непременно.

— Придется навестить лично, — направляясь в душ, решил Колесников.

Город Вольск, год назад

Василиса Стожникова, которую окружающие до сих пор, как в детстве, называли Васёной, завершала свою утреннюю пробежку по набережной. В наушниках плескалось море — его звук всегда настраивал ее на нужный лад, тело совершало привычные движения — бегать Васёна начала в десять лет вместе с отцом, военным корреспондентом, привыкшим держать себя в хорошей физической форме, чтобы быть готовым в командировках к любым сложностям. Вот и его дочь, которой недавно исполнилось двадцать семь, приучила себя вставать ни свет

ни заря в любую погоду и, вставив наушники, выбегать на набережную.

Внешне Васёна больше походила на подростка: невысокая, худенькая, с неизменным хвостиком на макушке, в больших очках на чуть курносом носике. Однако те, кто знал ее давно и близко, могли сказать с уверенностью, что Василиса Стожникова — девушка с железным характером и очень сильной волей. Внешняя subtilность этого, конечно, не предполагала.

Факультет журналистики Васёна окончила с красным дипломом, осела на местном новостном интернет-портале, но до сих пор ничего «громкого» не написала.

— Тему всей жизни можно искать как раз всю жизнь, — отишучивалась она, когда отец, вернувшийся из очередной командировки, интересовался ее делами. — Пока меня вполне устраивает собственная криминальная колонка.

— Живописуешь, как алкаш Геннадий в пьяной драке убил бомжа Василия? — усмеялся отец.

— И такое бывает, — кивала Васёна, ничуть не обиженная его словами. — Ты тоже не сразу стал тем, кто есть. И в горячие точки тоже попал не после получения диплома. Так что и у меня все впереди.

Но это призрачное «впереди» никак не обрело четких контуров, а заметок, о которых с иронией отзывался отец, становилось больше, и Васёна начала понемногу унывать — ну какое тут имя сделаешь, если приходится писать

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

о таком. Но «громкой» темы никак не попадалось. И вдруг...

Она просматривала новостные сайты и, увлекшись, перешла по ссылке, оказавшись на страничке какой-то белорусской газеты. С экрана ноутбука на Васёну смотрело мужское лицо — черно-белый снимок, больше похожий на фоторобот. В мозгу словно вспыхнул фонарик, осветил на миг тропинку и снова потух, как будто села батарейка, но Васёна начала лихорадочно вспоминать, где могла видеть этого человека — или кого-то, на него похожего. Она попыталась прочесть статью, но продираться сквозь хоть и созвучные, но все равно малопонятные слова было сложно, пришлось воспользоваться переводчиком.

«В квартире младшего брата известного бизнесмена и мецената Тиханевича обнаружен незарегистрированный пистолет. Владелец оружия скрылся, он объявлен в розыск».

— Тиханевич... — пробормотала Васёна, словно пробуя фамилию на вкус. — Нет, ни о чем... но лицо... где я могла видеть это лицо?

Остаток дня Васёна, не отдавая себе отчета, зачем делает это, провела в интернете, собирая информацию о бизнесмене Тиханевиче.

Набралось негусто: у шестидесятилетнего Антона Тиханевича не оказалось практически никакой биографии до того момента, как в Беларуси занялся вполне мирным и, очевидно, доходным делом — он владел молочным комбина-

том, собственной фермой и довольно большой пасекой. Называлось все это громко: концертн «Мед и молоко», так же как и обширная сеть супермаркетов, куда, по всей видимости, шла основная часть продукции.

— Нет, это все классно, — бормотала Васёна, поправляя пальцем сползавшие с переносицы очки, — но фоторобот-то не его, а брата... а вот по брату ничего, как интересно...

— Стоженикова, ты н-ночевать в офисе б-будеешь? — прогремело над головой, и Васёна подскочила в кресле:

— Рома! Ты нормальный вообще?!

— Н-нет! — весело подтвердил высокий блондин в голубой футболке поло и темно-серых джинсах, разворачивая кресло вместе с Васёной к себе. — Я ненормальный, потому что давно мог пить пивоко д-дома на диване, но сижу тут смирно и ж-жду, пока ты закончишь.

— Ну, так и не ждал бы, — буркнула Васёна, страшно не любившая таких вот шуток и сюрпризов.

— Да? А домой ты как н-пойдеешь? Темно уже совсем — не з-заметила?

— Что я — маленькая? Да и что тут идти...

— Васька, н-прекрати! Я обещал твоему отцу, что всегда буду за тобой присматривать, когда его нет. С-собирайся.

Роман чуть толкнул кресло, и легкая Василиса пролетела в нем как раз до шкафа, где одиноко болталось на вешалке ее бежевое пальто.

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

— В-выключаю комп? — спросил Роман, наклоняясь над столом.

— Флешку только вытащи, я там сохранила кое-что, дома почитаю.

— То есть у-ужинать со мной ты не пойдешь?

— А мы договаривались разве? — наматывая вокруг шеи шарф, расписанный головами лошадей и цепями, удивилась Васёна.

— Чтобы поужинать после р-работы, договариваться нет с-смысла. Вот твоя ф-флешка. — Роман протянул ей кожаный футляр. — Так что — идем?

Василиса уже открыла рот, чтобы отказаться, но потом вспомнила, что в холодильнике совершенно пусто, и согласилась:

— Идем. Если честно, я умираю от голода.

— Тогда я б-быстро за курткой, а ты пока д-дверь запри, — распорядился Роман и в три прыжка покинул кабинет.

Рома Васильев был старше Васёны на десять лет, работал в их издании редактором новостей и считался безнадежным холостяком. С отцом Василисы его связывала давняя дружба и несколько командировок в различные горячие точки. В одной из них Роман попал под обстрел вместе с группой армейской разведки, его тяжело контузило, и теперь Васильев довольно заметно заикался, плоховато слышал и страдал припадками вроде эпилептических, но это слу-

чалось нечасто — только если что-то волновало Романа слишком сильно.

В это издание его тоже устроил отец Василисы, хотя Роман сопротивлялся — не хотел протекции от именитого коллеги, пусть и друга. Но Владимир Михайлович подвел под это совершенно иную базу: попросил друга приглядывать за дочерью, которая оставалась одна во время его командировок. И хоть Василисе было уже двадцать семь, отец все равно волновался за нее. Он растил девочку один с семи лет. Мать Василисы погибла, и об обстоятельствах ее смерти Владимир Михайлович с дочерью никогда не говорил.

Роман согласился и на самом деле присматривал за Василисой, провожал домой, забегал в гости — и сам не заметил, как почувствовал, что без этой девушки его день становится пустым и каким-то бесполезным, даже если при этом его в буквальном смысле заваливали работой.

Васёна же, казалось, совершенно не понимала и не замечала более чем дружеского отношения к ней со стороны Васильева. Наоборот, ей иногда казалось, что Роман тяготеет своими обязанностями «старшего брата». Ну в самом деле, мог бы после работы пиво пить или с женищинами встречаться, а он провожает ее домой и следит, чтобы поужинала и дверь на два замка закрыла. Правда, пиво Роман не пил, как и вообще любое спиртное: последствия контузии под па-

ЖЕРТВЫ ОСЕНИ

рами алкоголя давали о себе знать совершенно неуправляемыми всплесками ярости, и Васильев, столкнувшись с таким пару раз, решил, что не стоит испытывать судьбу. Так что фраза «попить пивка» в его случае означала всего лишь спокойное времяпрепровождение дома.

— Ты чего х-хмурая такая? — спросил он, когда они с Васёной вышли из здания, где размещался офис, и направились в сторону центральной части города.

— Да вот наткнулась тут... и в голове что-то шевелится, а что — не могу понять, — пожаловалась она.

— Н-на что наткнулась?

— Да на фоторобот... даже не фоторобот, а просто снимок черно-белый. И у меня такое ощущение, что я этого человека видела, а вот когда и где — не могу сказать. Понимаешь, не могу вспомнить, хотя чувствую, что точно видела его — вот так, как тебя.

— Ну, Вась, все люди на кого-то п-похожи, может, просто с-совпадение?

— Тогда почему меня это никак не отпускает? Если просто совпадение?

— Да п-просто лицо какое-нибудь н-нестандартное, вот и все, — пожал плечами Роман.

— Лицо-то как раз вполне стандартное... — Васёна полезла в сумку и вытащила сложенный вчетверо листок — распечатанную статью из белорусского издания. — Сам вот посмотри.